

Светлана Ерпылева

ЧТО НЕ ТАК С СОВЕТСКИМ ДЕТСТВОМ?

Смирнова Т. (2015) Дети страны Советов: От государственной политики к реалиям повседневной жизни. 1917–1940 гг., М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 384 с. ISBN 978–5–8055–0286–7

«Советское детство» часто представляется чем-то особенным. Особенным по сравнению с детством граждан государств-современников СССР, особенным по сравнению с детством современных российских граждан. Особенно счастливым для сторонников советской идеологии, особенно – нет, не несчастным, но политизированным и не соответствующим идеалу «чистого» детства – для ее противников. Феномен, вокруг которого накапливается столько мифов и ведется столько дискуссий, в том числе в массовой культуре, разумеется, привлекает и историков. Именно советскому довоенному детству посвящена монография историка Татьяны Смирновой «Дети страны Советов».

Автор монографии намеренно избегает разговора «обо всем», что связано с советским довоенным детством. Напротив, она выбирает несколько конкретных тем, которые называет «болевыми точками» жизни детей и подростков и посвящает каждой из этих тем отдельную главу. Первая глава книги дает представление о формировании социальной политики в области детства в молодом государстве сразу после революции 1917 г. Смирнова показывает, что усилия власти в это время были направлены не столько на создание новой системы защиты детства, сколько на ликвидацию старой. В условиях гражданской войны, голода и разрухи рекомендации центральной власти сталкивались с суровой реальностью и редко претворялись в жизнь. Лишь энтузиасты на местах могли привести в частичное соответствие идеологию и реальность.

Во второй главе автор задается вопросом о взаимодействии государства и «общественности» в рамках заботы о детях, где показывает, что если в начале 1920-х гг. у государства был серьезный запрос на помощь общества (шефство, коллективный патронаж над детскими учреждениями, «самообложение» крестьян в помощь детским садам и школам), то к 1930-м общественные инициативы попадают под контроль государства и таким образом из них «выхолащивается» общественная составляющая.

Третья глава монографии затрагивает проблему охраны детства в ситуации голода 1921–1922 гг. Смирнова описывает основные способы борьбы государства с голодом в области детской политики: эвакуацию детей в более

«сытые» губернии и за границу, принятие помощи у иностранных государств и международных организаций. Реализация каждого из этих направлений была затруднена, с точки зрения автора, халатностью и равнодушием чиновников, в результате чего дети массово голодали, заболели и умирали. С другой стороны, инициативность и самопожертвование меньшинства государственных служащих позволяли улучшить жизнь других детей.

Четвертая глава рассказывает о жизни советских детей в детских домах. Смирнова анализирует основные аспекты такой жизни: финансирование, жилищные условия, медицинское обслуживание, ситуацию с кадрами, воспитательную работу и так далее. Тщательный анализ показывает, что рекомендации и постановления центральной власти расходились с реальной практикой: большинство «государственных детей» существовали в плохих условиях, лишены медицинского обслуживания, а тем более должного идеологического воспитания. Таким образом, не государственные постановления, а «субъективный фактор» определял условия жизни детей в детских домах, заключает автор.

Наконец, последняя глава монографии посвящена семейным формам воспитания детей-сирот. Смирнова демонстрирует, что вопреки распространенному стереотипу, молодое советское государство вовсе не отказывалось от семейных форм воспитания – даже в начале 1920-х гг. такое воспитание воспринималось как приемлемое, а с середины 1920-х государство стало стимулировать усыновление и патронаж сирот семьями, а также возвращение в семьи детдомовцев, имеющих родственников. По факту, самой распространенной практикой в молодом советском государстве стал патронаж крестьянских семей над сиротами, однако из-за отсутствия контроля со стороны государства зачастую дети не получали должной заботы в семьях и попросту эксплуатировались.

В заключении автор описывает две основные задачи, которые выполнены в рамках данной монографии. Во-первых, это борьба с искажениями и упрощенным пониманием истории (так, книга развенчивает ряд популярных в массовой культуре стереотипов о советском детстве), и, во-вторых, изучение ошибок прошлого для того, чтобы не повторять их в настоящем, в рамках современной российской социальной политики в области детства.

Монография Татьяны Смирновой, несомненно, обладает рядом достоинств. Так, например, автор привлекает огромное количество архивных источников, среди которых фонд Деткомиссии ВЦИК, фонд ЦК Помгол и ЦК Послегол, фонды Наркомпроса РСФСР и комиссии ВЦИК по обследованию Наркоматов РСФСР, фонд секретариата Н. Крупской и некоторые другие. По сути, источники, которыми пользуется Смирнова, трех типов, и поэтому они позволяют реконструировать картину происходящего с разных сторон: это постановления, законы и материалы партийных дискуссий по проблемам детства, также это результаты обследований детских учреждений, документы из учреждений на местах, переписка рядовых чиновников

и т.п., и, наконец, это письменные свидетельства самих детей (впрочем, этот материал составляет совсем незначительную часть анализируемых источников). Таким образом, читатель может получить представление о мельчайших деталях быта детей раннего советского государства.

В числе достоинств книги стоит отметить также внимание автора не только к идеологии и законодательству в области детской социальной политики, но и к практике ее реализации – особенно в виду того, что первые и последняя часто не соответствуют друг другу. Кроме того, Смирнова знакомит читателя с темами, которые до этого почти не привлекали внимание историков и о которых в действительности мало что известно, например, борьба за сохранение жизней детей во время голода 1921–1922 гг., или воспитание детей-сирот в семьях, а не в детских домах.

Автор монографии делает также ряд интересных и неочевидных наблюдений и выводов. Так, мы узнаем, что вопреки расхожему мнению, забота советского государства о детях вовсе не означала отказ от семейных форм воспитания сирот в пользу государственных. Детей до трех лет всегда предпочитали отдавать на патронат или усыновление в семьи, что касается старших детей – с середины 1920-х гг. воспитание в семьях также становится предпочтительным. Или, скажем, что помощь капиталистических держав в борьбе с голодом среди детей никогда не отвергалась, несмотря на возможные политические опасения. Бюрократия и халатность, которые осложняли своевременное получение помощи детьми и подростками, встречались в равной степени с обеих сторон. Более того, в отдельных случаях детей, отправившихся во временную эмиграцию в капиталистические страны, действительно пытались использовать в политических целях, например, наказывали за положительные отзывы о советской власти и говорили, что, вернувшись на родину, им следует выступать против нее. Таким образом, было бы неверно противопоставлять «политизацию» советского детства «чистой заботе о ребенке» в буржуазных демократиях.

Тем не менее множество аспектов работы, выполненной Татьяной Смирновой, вызывают вопросы, замечания или даже недоумение. Речь идет как о технических и стилистических неаккуратностях, так и о ключевых тезисах монографии. Так, излишне эмоциональный стиль, выбранный автором, вкупе с оценочными суждениями, сделанными с некоторой моральной позиции, зачастую режет глаз. Уже во Введении мы узнаем о «катастрофических» последствиях «болезненного» процесса трансформации советского общества для социальной политики в области детства (С. 10), а также о том, что нам приходится «платить искалеченными детскими жизнями» за незнание истории (С. 16). Тема «искалечивания» муссируется и в других главах монографии, сопровождаемая моральным пафосом со стороны автора. Например, в пятой главе Смирнова замечает: «Игнорируя советский опыт, мы рискуем снова и снова наступать на те же грабли, повторять многократно пройденные ошибки, получая в результате

искалеченные судьбы детей» (С. 294). Иногда отдельные цитаты из источников, а также целые абзацы авторского текста, повторяются в разных местах монографии (можно сравнить, например, описание Д. А. Калининой детских приютов, которое используется на С. 238 и на С. 303; или почти полстраницы авторского текста начиная со слов «работники органов Наркомпроса и местные власти» на С. 54 и тот же текст на СС. 212–213).

В представленном во введении обзоре литературы по истории советского детства Татьяна Смирнова перечисляет множество защищенных в России диссертаций, попутно отмечая их низкое качество, но не упоминает другие, более известные работы, которых и на русском языке в последние 10–15 лет выходило немало. Так, например, в 2003 г. издательство ОГИ выпустило книгу «Детский сборник: Статьи по детской литературе и антропологии детства», посвященную советскому времени (Кулешов, Антипова 2003); в 2008 г. вышел специальный номер журнала «Неприкосновенный запас» о советском детстве (Неприкосновенный запас 2008); в этом же году в издательстве НЛЮ вышел сборник «Веселые человечки: Культурные герои советского детства» (Кукулин и др. 2008). Статьи по истории советского детства периодически пишут такие исследователи как Джулиан Ферст (Furst 2002, 2006, 2010), Илья Кукулин (Кукулин и др. 2015), Мария Майофис (2014), Галина Орлова (2008), Светлана Леонтьева (2004; Леонтьева, Маслинский 2007) и др., на работы которых отсутствуют ссылки в обширной библиографии «Детей страны Советов». Катриона Келли, одна из основных исследовательниц советского детства, удостаивается лишь простого перечисления своих работ в одной из сносок. Между тем Келли – автор обширной монографии «Мир детей» (Kelly 2008) о детстве в России и СССР с 1890 по 1991 гг., в которой затрагиваются темы, интересующие и Татьяну Смирнову. Например, отдельная глава в работе Келли посвящена советским детским домам, в ней она также описывает как особенности советской политики по отношению к детям-сиротам, так и ее практическую реализацию, бытовые условия в детских домах и несоответствия между постановлениями и реальностью. Смирнова отчасти повторяет анализ Келли (хотя, безусловно, привносит в него множество отсутствующих деталей и подробностей), но не проговаривает эти пересечения эксплицитно.

Несмотря на интерес к практической реализации законов и постановлений, значительная часть монографии Татьяны Смирновой посвящена самой социальной политике в области детства и ее особенностям. Тем не менее в разговоре о социальной политике автор лишь касается вопроса об идеологии советского государства по отношению к детству и ребенку. Между тем, речь идет о государстве, где идеология играла огромную роль, и где (по крайней мере, в определенный момент) ребенок мыслился как гражданин, напрямую участвующий в построении нового, коммунистического общества. К. Келли в своих работах (Kelly 2008; Келли 2009) показывает, как менялось отношение государства к ребенку как к гражданину

после революции, в середине 1920-х, в начале-середине 1930-х, в период войны. Изменения социальной политики во многом были следствиями изменения идеологии. Например, если сразу после революции ребенок-подросток воспринимался как полноценный борец за коммунистическое будущее, не уступающий, а иногда и превосходящий по моральным качествам взрослых, то с начала 1930-х он мыслится как существо, требующее, прежде всего, заботы и охраны, «борьба» которого может состоять в послушании более опытным взрослым. Однако Татьяна Смирнова не интересуется связью между спецификой законов, постановлений и политической идеологией государства по отношению к детству и воспитанию.

Точно так же автор «Детей страны Советов», несмотря на обещание, данное во введении монографии, не уделяет внимания субъективности главных героев. Порой она пользуется цитатами из писем советских детей, но лишь для того, чтобы получить еще одно свидетельство того или иного «факта» – плохих или достойных бытовых условий, голода, отсутствующей или наличествующей воспитательной работы. Письма детей для нее – еще один источник информации, они не интересны сами по себе. Например, Смирнова цитирует жалобу одного из старшеклассников, прозвучавшую на Московском совещании школьников (С. 126) и рассказывает, что рекомендации школьников, вынесенные совещанием, были претворены в жизнь. Но что это за совещание, кем и зачем оно было организовано, как часто проводилось, кто в нем участвовал? Разве не достойно внимания то, что государство создало для школьников канал прямого влияния на социальную политику? Разве не интересно, как школьники рассказывали о себе и о своих проблемах? Смирнова не поднимает ни один из этих вопросов.

В связи с этим можно сформулировать проблему более общего характера – отсутствие различия между «эмик» и «этик» в анализе Татьяны Смирновой. Документы, с которыми работает автор монографии, являются источниками информации об эпохе. Среди них есть более или менее достоверные, но каждый из них предоставляет автору не только «факты», но и язык описания. Язык описания документов той эпохи становится неразличим с языком описания, используемым самой Смирновой. Хороший пример – это материалы обследований Деткомиссии ВЦИК, один из самых цитируемых источников в монографии. Для автора они являются свидетельством того, как «на самом деле» обстояли дела в детских учреждениях или патронатных семьях. Смирнова подчеркивает, что источник обладает большой степенью достоверности, в подобных отчетах отражены все негативные стороны обследуемых явлений. Этот факт мог бы быть интересен историку сам по себе, будучи свидетельством того, что государство все-таки контролирует претворение в жизнь своей политики, и источником информации о том, как именно оно это делает. Как чиновники пишут отчеты, на что они обращают внимание, какова типичная структура таких отчетов? Историк Питер Холквист (Holquist 1997) в статье, посвященной

практиками большевистского надзора, убедительно показал, что отчеты, которые писали чиновники, занимающиеся надзором, нельзя использовать только как источники информации о настроениях людей. Их главная ценность в том, что они означают сами по себе, как и для каких целей их использовали в разные периоды советской (и не только) истории. Другие авторы продемонстрировали в своих работах особенное значение языка для раннесоветского и сталинского обществ (Kotkin 1995; Halfin 2009; Hellbeck 2009). Тем не менее Татьяна Смирнова игнорирует эти работы – она не только не пользуется предложенным методом, но и не критикует его, как будто бы этих работ и этой дискуссии никогда не было.

Некоторые такие проблемы влияют и на содержательные выводы. Так, например, одной из центральной идей, развиваемых в книге, является противопоставление государственной политики и реальной инициативы на местах как чего-то искусственного, спущенного сверху, и настоящего, искреннего, идущего от народа. Особенно заметной эта оппозиция становится в главе, посвященной участию общественности в заботе о советских детях. Анализируя различные практики общественного участия, Смирнова приходит к выводу, что государство начинает полностью контролировать инициативу снизу, «выхолащивая» живой общественный дух: «Таким образом, многочисленные общественные советы, комитеты и инспекции по замыслу властных структур призваны были выполнять задачу "проводников" господствующей идеологии в сфере детской политики, а не реализации инициатив "снизу"» (С. 112). Однако, как отмечала сама же Смирнова, задача молодого советского государства, собственно, и состояла в том, чтобы развивать и стимулировать определенные виды низового коллективного участия в социальной сфере, это и есть элемент «господствующей идеологии в сфере детской политики». Контроль и развитие государством общественных инициатив не означает автоматически «выхолащивание» из них низового духа, и привычная для нас оппозиция «навязанного сверху» и «искреннего снизу» не всегда работает для советского общества.

Главным тезисом монографии можно, пожалуй, назвать идею, которая повторяется в каждой главе и попадает в заключение: социальная политика в области защиты детей в довоенном советском государстве работала не благодаря постановлениям и законам, а благодаря так называемому «субъективному фактору». Зазор между теорией и практикой ее реализации был велик, и все зависело от инициативы на местах. Там, где находились чиновники-энтузиасты, даже при незначительных ресурсах удавалось обеспечить достойное существование для детей. С другой стороны, халатность, воровство и равнодушие большинства чиновников делало детскую государственную политику в целом неэффективной. Это объяснение может показаться верным в силу своей очевидности – оно полностью отвечает нашему деполитизированному здравому смыслу. Действительно, как можно доверять абстрактному и далекому от нашей повседневной жизни государству, и кто виноват во всех

проблемах, если не коррумпированные и халатные чиновники? Это объяснение кажется очевидным также потому, что оно внеисторично: в разные эпохи можно обнаружить зазор между теорией и практикой вкупе с влиянием «субъективного фактора» и личной инициативы. История же интересуется спецификой. Как остроумно заметил Поль Вен, «если бы мы писали историю Рима для китайского читателя, нам не нужно было бы пояснять отношение римлян к захоронениям; мы могли бы просто написать, как Геродот: "В данном вопросе взгляды этого народа приблизительно такие как у нас"» (Вен 2003: 13). Татьяне Смирновой, между тем, понадобилось 350 страниц, для того чтобы пояснить нечто, с чем мы имеем дело каждый день.

Тезис о роли «субъективного фактора», будучи центральным для монографии, выглядит проблемным и с другой стороны. В заключении автор пишет, что ее работа поможет избежать «ошибок прошлого», если государство и общество будут учитывать результаты проведенного ей исследования. В некотором смысле, она предлагает что-то вроде рекомендаций для чиновников в области детской социальной политики, и сама по себе эта идея кажется заслуживающей уважения. Однако выходит, что эти рекомендации могут состоять только в том, чтобы честно выполнять свою работу, не допускать халатности и коррупции. Стоило ли делать большое исследование ради подобных рекомендаций? Акцент на «субъективном факторе» уводит также внимание читателя от специфики социальной политики в разных государствах, например, неолиберальных реформах и сокращению финансирования социальной сферы сейчас, и, напротив, ее первостепенном значении для государства тогда.

Таким образом, монография Татьяны Смирновой вызывает противоречивые оценки. С одной стороны, автор проделала огромную и тщательную работу с источниками и подготовила подробное описание деталей быта детей в раннесоветском государстве. В этом смысле, книга, безусловно, заслуживает внимания историков советского детства. С другой стороны, морализирующий тон книги вкупе с лакунами в анализе и не до конца убедительными выводами заставляют относиться к ней с осторожностью. Я бы рекомендовала ее к прочтению как специалистам, так и интересующимся проблемами советского детства, однако предостерегла бы от принятия на веру большинства авторских обобщений и интерпретаций.

Список источников

- Вен П. (2003) *Как пишут историю. Опыт эпистемологии*, М.: Научный мир.
- Келли К. (2009) *Товарищ Павлик: Взлет и падение советского мальчика-героя*, М.: Новое литературное обозрение.
- Кукулин И., Липовецкий М., Майофис М. (ред.) (2008) *Веселые человечки: Культурные герои советского детства*, М.: Новое литературное обозрение.

Кукулин И., Сафронов М., Майофис М. (ред.) (2015) *Острова утопии: педагогическое и социальное проектирование послевоенной школы (1940–1980-е)*, М.: Новое литературное обозрение.

Кулешов Е., Антипова И. (ред.) (2003) *Детский сборник: статьи по детской литературе и антропологии детства*, М.: ОГИ.

Леонтьева С. (2004) Пионер – всем пример. *Отечественные записки*, (3): 249–259.

Леонтьева С., Маслинский К. (2007) Учебный текст в советской школе. *Антропологический форум*, (6): 453–459.

Майофис М. (2014) Иностраный язык для внутреннего употребления: образ Другого в учебниках английского языка 1945–1956 гг. *Проблемы современного образования*, (6): 176–200.

Неприкосновенный запас (2008) *Советское детство: между заботой и наказанием*, 58 (2).

Орлова Г. (2008) За строкою учебника: картографическая политика и советская школа в 1930-е годы. Леонтьева С., Маслинский К. (ред.) *Учебный текст в советской школе*, СПб.: Институт логики, когнитологии и развития личности.

Furst J. (2002) Prisoners of the Soviet Self? Political Youth Opposition in Late Stalinism. *Europe-Asia Studies*, 54 (3): 353–375.

Furst J. (2006) In Search of Soviet Salvation: Young People Write to the Stalinist Authorities. *Contemporary European History*, 15 (3): 327–345.

Furst J. (2010) *Stalin's Last Generation: Soviet Post-War Youth and the Emergence of Mature Socialism*, Oxford: Oxford University Press.

Halfin I. (2009) *Stalinist Confessions: Messianism and Terror at the Leningrad Communist University*, Pittsburgh, PA: University of Pittsburgh Press.

Hellbeck J. (2009) *Revolution on My Mind: Writing a Diary under Stalin*, Cambridge, MA: Harvard University Press.

Holquist P. (1997) 'Information Is the Alpha and Omega of Our Work': Bolshevik Surveillance in Its Pan-European Context. *The Journal of Modern History*, 69 (3): 415–450.

Kelly C. (2008) *Children's World: Growing Up in Russia, 1890–1991*, New Haven, CT: Yale University Press.

Kotkin S. (1995) *Magnetic Mountain. Stalinism as a Civilization*, Oakland, CA: University of California Press.

Svetlana Erpyleva

WHAT IS WRONG WITH THE SOVIET CHILDHOOD?

Smirnova T. (2015) *Deti strany Covetov: Ot gosudarstvennoy politiki k realiyam povsednevnoy zhizni. 1917–1940 gg.* [Children of the Soviet Union: From Government Policy to the Real of Everyday Life. 1917-1940 yr], M., SPb.: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 384 p. ISBN 978-5-8055-0286-7

References

- Furst J. (2002) Prisoners of the Soviet Self? Political Youth Opposition in Late Stalinism. *Europe-Asia Studies*, 54 (3): 353–375.
- Furst J. (2006) In Search of Soviet Salvation: Young People Write to the Stalinist Authorities. *Contemporary European History*, 15 (3): 327–345.
- Furst J. (2010) *Stalin's Last Generation: Soviet Post-War Youth and the Emergence of Mature Socialism*, Oxford: Oxford University Press.
- Halfin I. (2009) *Stalinist Confessions: Messianism and Terror at the Leningrad Communist University*, Pittsburgh, PA: University of Pittsburgh Press.
- Hellbeck J. (2009) *Revolution on My Mind: Writing a Diary under Stalin*, Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Holquist P. (1997) 'Information Is the Alpha and Omega of Our Work': Bolshevik Surveillance in Its Pan-European Context. *The Journal of Modern History*, 69 (3): 415–450.
- Kelly C. (2008) *Children's World: Growing Up in Russia, 1890–1991*, New Haven, CT: Yale University Press.
- Kelly C. (2009) *Tovarishh Pavlik: Vzlet i padenie sovetskogo mal'chika-geroja* [Comrade Pavlik: Rise and Fall of the Soviet Hero Boy], Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Kotkin S. (1995) *Magnetic Mountain. Stalinism as a Civilization*, Oakland, CA: University of California Press.
- Kukulin I., Lipoveckij M., Majofis M. (eds.) (2008) *Veselye chelovechki: Kul'turnye geroi sovetskogo detstva* [Happy Guys: Cultural Characters of the Soviet Childhood], Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Kukulin I., Safronov M., Majofis M. (eds.) (2015) *Ostrova utopii: pedagogicheskoe i social'noe proektirovanie poslevoennoj shkoly (1940–1980-e)* [Utopian Islands: Pedagogical and Social Engineering of After-War School (1940–1980s)], Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Kuleshov E., Antipova I. (red.) (2003) *Detskij sbornik: stat'i po detskoj literature i antropologii detstva* [Children's Collection: Writings in Children Literature and Anthropology of Childhood], Moscow: OGI.
- Leont'eva S. (2004) Pioner – vsem primer [Pioneer Is Everyone's Example]. *Otechestvennye zapiski* [Patriotic Notes], (3): 249–259.
- Leont'eva S., Maslinskij K. (2007) Uchebnyj tekst v sovetskoj shkole [School Books in the USSR]. *Antropologicheskij forum* [Anthropological Forum], (6): 453–459.
- Majofis M. (2014) Inostrannyj jazyk dlja vnutrennego upotreblenija: obraz Drugogo v uchebnikah anglijskogo jazyka 1945–1956 gg [Foreign Language for Local Use: The Images of Other in Foreign Language Textbooks in 1945–1956]. *Problemy sovremennogo obrazovanija* [Issues in Contemporary Education], (6): 176–200.
- Neprikosnovennyj zapas (2008) *Sovetskoe detstvo: mezdu zabotoj i nakazaniem* [Soviet Childhood between Care and Punishment], 58 (2).
- Orlova G. (2008) Za strokoju uchebnika: kartograficheskaja politika i sovetskaja shkola v 1930-e gody [Beyond Textbook Lines: Mapping Policies and Soviet School in the 1930s]. Leont'eva S., Maslinskij K. (eds.) *Uchebnyj tekst v sovetskoj shkole* [Textbooks in Soviet School], St. Petersburg: Institut logiki, kognitologii i razvitiya lichnosti.
- Ven P. (2003) *Kak pishut istoriju. Opyt jepistemologii* [How History Is Written. Epistemological Experience], Moscow: Nauchnyj mir.

Svetlana Erpyleva – researcher, Public Sociology Laboratory (PS Lab), PhD student, European University at St. Petersburg, Russian Federation. Email: yerpylovas@gmail.com